

18+

Анатолий Овчинников

Приключения бывшего атташе

«Автор»

2026

Овчинников А. Н.

Приключения бывшего атташе / А. Н. Овчинников — «Автор»,
2026

Российский атташе по культуре привозит в Буэнос-Айрес молодую жену, к которой цепляется американский резидент. После столкновения на этой почве с американцем последний подставляет атташе с помощью завербованного сотрудника посольства РФ и того арестовывают. Герою грозит большой срок, и он бежит с помощью жены. В соседнем Уругвае он встречает русского моряка, отставшего от своего судна и они вместе вербуются матросами на корабль до Кейптауна. Но судно перевозило оружие повстанцам в Кабинду и на него нападают пираты. После ряда приключений и стычек с террористами герои попадают все-таки в Европу.

© Овчинников А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мне жениться – что воды напиться	5
Буэнос-Айрес у наших ног	8
Как меня подставили в Танзании	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анатолий Овчинников

Приключения бывшего атташе

Мне жениться – что воды напиться

Мы с Мишкой брели по пустынному каменистому пляжу в поисках просто посидеть где-нибудь на берегу с кружкой-другой пива и поболтать о вечном, ну, то есть, о работе, о бабах, об этом мерзком противном и дождливом лете и об ещё более унылой осени... Вот и опять небо затянули серые тучи, но было ещё тепло и на подстилках на крупной гальке иногда попадались отдыхающие и, мало того, некоторые из них отчаянно барахтались в прибое – то ли пытались выбраться на осыпающиеся под ногами прибрежные камушки, то ли просто дёргались в такт набегающей волне, чтобы не замёрзнуть.

Заходить в многочисленные армянские шалманы, слепленные абы из чего тут же – на берегу в три яруса – не хотелось: надоело. Манты-понты, шашлык-машлык были везде одинаковые, как и пиво, как эта опостылевшая за две недели осенняя погода.

К удивлению друзей, на пирсе-волноломе со стоянкой катамаранов им попало непри-вычное для этих курортных мест сооружение в виде простого дощатого довольно длинного стола с простыми лавками вместо плетёных кресел и шезлонгов. Ещё больше они удивились, разглядев сидящих за столом двух молодых дам. Обе были в белых нарядах непонятного названия – то ли сарафаны с накидкой-пелериной, то ли платья чуть ли не подвенечные, хотя не такие вычурные. У обоих было по бокалу некоего напитка, скорее всего вина, которое они медленно и лениво потягивали, тихо переговариваясь между собой.

Само собой, мы, не сговариваясь, направились к этому странному столу и расположились на лавке за столом напротив этих белых созданий. «Мишкина», ну, сидящая от него через стол, мне показалась посимпатичней «моей». Быстро подбежавший халдей из местных пообещал доставить нам пиво с барабулькой.

Мишка, хоть и сел решительно, даже опередив меня, рассмотрев дам поближе, стуше-вался и заблеял что-то о погоде, о холодной воде и отчаянных купальщиках. Дамы оказались довольно молоды и выглядели прилично – не вызывающе по типу «понаехавших» эскортниц, но и не броско, скажем так – чувствовался стиль.

Узнав, что они употребляли, мы заказали и себе такового же, предложили им взять ещё, но они отказались. Потом им принесли кофе, а нам обещанное пиво и тоже вино. От кофе шел аромат, как от настоящего, и мы тоже запросили по чашечке. Разговор не клеился, но, хотя бы удалось познакомиться – их звали (вот «Мишкину» - ей богу не помню как), а «мою» – Катя.

Из-за туч ненадолго выглянуло заходящее солнце и осветило наш стол и нас всех. Катя повернула голову к солнцу, и мне удалось рассмотреть её поподробнее: всё у неё оказалось на месте - личико очень милое с губками натуральной пухлости, щёчки с ямочками, волосы с бронзовым оттенком (может, от солнца), цвет глаз тогда сразу не рассмотрел, но они были, и точно на месте. Мало того, эти глазки изредка бросали на меня внимательные изучающие взгляды (прикиньте, она оказалась психолог по второму - ! - образованию).

Допив, доев и перезнакомившись, мы предложили барышням прогуляться по набереж-ной. Они согласились. К моему удивлению Катя сразу взяла меня под руку, что несколько тогда меня насторожило – у меня были на оставшиеся от отпуска пару дней свои планы и надежды, но об этом потом. Но она точно не была похожа на искательницу курортных приключений. При этом, когда они обе вышли из-за стола, я машинально отметил про себя наличие у обеих всех необходимых форм и округлостей.

Мы бродили до сумерек, покупали мороженое, любовались закатом. Даже зарулили в какой-то припляжный дансинг, где мне удалось потеснее прижаться к партнёрше по танцам, – а она и не возражала. Мишка с Катиной подружкой куда-то по дороге потерялись, но я об этом не жалел – мне хватало Кати. Ей оказалось 28 лет (мне 32 – кто ещё не в курсе), и она закончила библиотечный факультет Питерского института культуры – вот тянет же людей в такую экзотику пыль глотать! Получается, она была «книжным червём»? – но выглядела при этом достаточно раскованно.

Меня не сильно удивило её сообщение о былом замужестве – выскочила, как это часто принято – за сокурсника перед окончанием ВУЗа, но через пару лет разбежались, что тоже, увы, у современной молодёжи часто принято (себя я уже к молодёжи не относил). Живёт с родителями в Питере, что меня полностью устраивало. Почему – отвечу чуть позже.

Мне она нравилась всё больше, и я чувствовал её встречный интерес. Чтобы поплотнее запутать девушку в свои коварные сети, я применил своё безотказное секретное оружие: начал читать стихи Лорки в подлиннике на испанском. Ну, тут уже ей деваться было некуда, и мы начали целоваться, спрятавшись от прохожих за странным памятником доктору Айболиту и его обезьянам.

Я распалился не на шутку и, чувствуя встречное движение, расстегнул пелеринку и пару крючков на топе платья – сопротивления не было оказано. Мало того, когда под моими ладонями обнажились два полушария с торчащими сосками, Катя спросила: «Вам нравится, сударь?», – видимо, это была цитата из какой-то книжки, – и затем продолжила, – «Угощайтесь!». Я прильнул, раз предложили – не отказываться же!

Ну, а потом мы поехали в мой номер в гостинице. Но это было не всё. Это было только начало.

Наутро, едва разлепившись, я сказал Кате всё ту же дурацкую фразу: «Теперь, как честный человек, я обязан на тебе жениться», – она залилась смехом. Она думала, что это шутка, но ошибалась: там же в постели я сделал ей предложение руки и сердца, правда, без обручального кольца. Но на одно колено встал и протянул ей букетик подвявших цветов, который вытащил из вазочки на столе.

Со стороны выглядело всё это, конечно, комично, даже, скорее, несколько издевательски по отношению к одинокой барышне, но я совсем не думал шутить и причины на то были более чем основательные. Помимо того, что Катя мне нравилась – я реально на неё, что говорится, запал, но вот именно жениться мне тоже «приспичило». Я и прибыл на юг с этой миссией. В надежде «добыть» себе невесту в этих не очень пуританских краях – мне казалось, здесь это будет сделать попроще.

Дело в том, что я служил в российском посольстве в Буэнос-Айресе (Аргентина) в должности помощника атташе по культуре. Сам атташе переводился послом в ЮНЕСКО, а его должность предложили мне, но при этом я должен быть женат – таковы правила МИДа. На решение этой задачи мне дали два отпускных месяца, которые как раз подходили к концу, и я сильно рисковал продолжить прозябание в должности помощника с зыбкой перспективой на дальнейшую карьеру. Как вы понимаете, жениться мне было нужно до зарезу и незамедлительно.

Насчёт посольства: я в своё время сумел поступить и закончить МГИМО – без всякого блата и связей – по квоте победителей школьных олимпиад по истории, сперва в области, а потом и на всероссийской. После выпуска пару лет прокантовался в России чиновником для поручений (сопровождал делегации), стажировался в Африке, а потом меня направили в Аргентину – я сносно владел испанским. Женат не был, что-то не подвернулся никто, когда был помоложе.

Вы, конечно, скажете, мол, надо было цеплять невесту раньше, ещё в МГИМО, но уверяю вас, что там пасутся только избалованные, капризные и, увы, извращённые доченьки состоятельных высокопоставленных родителей. Мне бы кого попроще.

А тут Катя! Всё при всём. Одна. Идеальный вариант – ну, соглашайся!

Когда я обрисовал всю эту ситуацию поподробнее, Катя спросила: «Ты что, тот самый принц на белом коне?». – «Несомненно!» - ответил я, - и мы вновь упали в параллельные миры.

На следующий день мы вылетели в Москву, нас провожали Мишка и его новая пассия – Катина подруга. По её лицу было понятно, что ей пока замуж не предложили.

Нужно было всё успеть в несколько оставшихся у меня дней. Перво-наперво мы подали заявление в ЗАГС. Ну, как подали – это так только говорится: нас расписали в тот же день по звонку из МИДа по причине как бы сильной беременности у невесты. Свадьбу справлять было некогда. Катя умчалась в Петербург уволиться с работы, проститься с родителями и собрать вещи. Мне было недосуг даже съездить в Питер познакомиться с новыми родственниками – я оформлял себе и Кате бумагу на выезд, в том числе дипломатический паспорт для неё – теперь уже законной жены мидовского чиновника – атташе в заграничном представительстве.

Буэнос-Айрес у наших ног

Катюха (я теперь так стал её называть) быстренько освоилась в новом для себя мире и даже стала играть в нём всё возрастающую роль. Оказалось, она занималась в своё время танцами и теперь на всех приёмах и раутах выдавала такие па, что ей (и мне, соответственно), завидовали не только наши посольские дамы, но и спутницы столпов дипкорпуса Буэнос-Айреса, собравшиеся со всего мира. Особенно ей удавалось то самое знаменитое аргентинское танго. Но вот я как партнёр в этом смысле был никудышным, и для выступлений Катюхе приглашали профессионального танцора из местных. Послы и атташе стояли в очереди за право провести с ней тур фокса или того же танго. И, соответственно, их жёны не очень-то приветствовали появление в сложившемся замкнутом кругу такой новой отчаянной девахи из России.

В этом смысле особенно настырным приставалой и прилипалой к моей жене оказался один американец – дюжий военный из военно-морского представительства США в Аргентине (помощник атташе), разряженный как петух в своём мундире со всеми регалиями и нашивками. Все знали, что он цэрэушник – один из заместителей американского резидента в Аргентине – и поэтому слегка опасались и прощали многие его грубые выходки. Но, когда он в наглую на одном из коктейлей позволил себе излишне прижаться к моей жене, то тут уж моё ангельское терпение кончилось: я оттащил его в туалетную комнату, где этот бугай, ухмыляясь, принял было боксёрскую стойку. Но он, несмотря на все его карате и джиу-джитсу, был не знаком с обычной уличной дракой, где законы боевых искусств не работают. Поэтому, покуда он чуть отклонился, чтобы врезаться мне с разворота, я успел провести «двоечку» с правой и следом тут же «троечку» с левой («троечка» – кто не в курсе, – это когда третьим после кулака и локтя по челюсти следует удар ногой противнику в пах). Этот «капитан Америка» свалился на пол, и я тут же надавил ему коленом на горло. Дальше я вежливо попросил его, используя своеобразную русскую лексику, никогда не смей приближаться к моей жене. Тот абсолютно всё понял, и поверженный голиаф только утвердительно моргал глазами, не в состоянии говорить.

Парень явно не жил в детстве и юности в небольшом городке, где пацаны с нашей Котяховки (так называли в народе мой микрорайон) никогда не смели появляться на «Шинном» (это другой, враждебный нам микрорайон) – и наоборот – без риска быть изувеченными именно в такой уличной без всяких правил драке, зачастую с арматурой и кастетами.

Хотя нас было при этом только двое, и я никому ничего не докладывал о произошедшем – даже жене – весь дипломатический Буэнос-Айрес и даже сотрудники консульств с других городов страны заметно ко мне потеплели. Этот случай позволил мне завести новые полезные знакомства и не только в дипломатической среде, но и в кругу столичного бомонда. Скорей всего, законопослушный американец сам доложил по команде о стычке с русским атташе (и наверняка при этом выставил себя в самом выгодном свете) – откуда и пошёл слухок о «сражении США и РФ в туалете», – но прямых последствий с той стороны я не ощутил никаких. Пока.

Дуайен (старейшина и как бы «смотрящий») дипкорпуса в Аргентине был посол Испании – и как посол бывшей метрополии, так и по сроку пребывания в должности посла в стране – старый жуир и реально испанский гранд, разряженный на официальных приёмах в мундир с золотым шитьём и в шляпе с перьями, который также подкатывал было к моей Катюхе, так и тот, после негласного инцидента с цэрэушником, стал относиться к нам обоим с ещё большей любезностью, но приближаться к Кате ближе чем на метр не рисковал. Даже в танце. Ну, почти не приближался – там всё-таки было можно.

Катюха блистала. Она как родилась для раутов и вечеринок. Но – одна беда: я не мог ей обеспечить должное количество нарядов и украшений. Между нами, помимо голого оклада (хотя, и довольно внушительного по меркам моей далёкой родины) и нечастых премиальных за

отличия по службе, у меня был небольшой, подпитывающий скромное существование молодой семьи, гешефт.

В ту пору - уж не знаю почему - во всём мире, в том числе и у нас на родине, возникла вдруг мода на маски перуанских индейцев-инков. Перу относительно Аргентины – понятное дело – за Кордильерами, то есть, Андами по-местному, но мы постоянно контактировали с нашими коллегами в этой стране по разным вопросам, в том числе и по этим, в смысле, культурным. Я, как атташе по культуре, периодически вылетал в Лиму с заданием то принять кого-то из нашей российской народно-хореографической тусовки по культурному обмену, то, наоборот, помочь им отправиться обратно. И не столько им самим – несчастным многопудовым бабам в кокошниках в сопровождении вечно пьяных балалаечников и баянистов – как их багажу. Вот в багаже-то и была особая ценность.

Наши родные российские таможенники, а с ними и прочие спецорганы от Южной Америки никакого подвоха особо не ожидали и сбежавшего Гитлера больше там не искали – досмотр багажа был символический, особенно за небольшую доплату. Как и кто передавал эту нашу благодарность российской таможне – я не знаю, но система работала. Страшенные и зловещие маски инков запаковывались в нашем посольстве в Перу и потом переправлялись дипломатической почтой в Буэнос-Айрес, где я их и поджидал. Перекидка диппочты из одной страны Южной Америки в другую не представляла никаких проблем – это была рутина. Но вот в нашем посольстве в Буэнос-Айресе уже я – как атташе по культуре – имел возможность отправлять в Россию в опечатанных моей же печатью чемоданах образцы произведений искусства инкской цивилизации, как не имеющие никакой ценности предметы современного индейского быта. Ну, в рамках культурного обмена. Взамен я получал (в смысле, получало представительство в моём лице) кое-какие никчёмные поделки из России – керамику, игрушки-матрёшки, самобытный текстиль и тому подобные изделия народного творчества.

Это были почти невинные шалости.

Проблемы начались с появлением в посольстве нового шефа безопасности. Старый ни во что особо не вступал, спокойно дослужил до пенсии и уехал на историческую родину. Ещё со сталинских времён в загранпредставительствах внешней разведкой занимались представители ГРУ Министерства обороны, а внутренней безопасностью и контрразведкой люди из госбезопасности.

Резидент, что в нашем посольстве, что в конкурирующих, так сказать, организациях занимал, как правило, в посольстве официальную должность, как и его сотрудники – от атташе или даже советника-посланника (первого зама посла) до простого шофёра. У них были свои завербованные агенты-поставщики информации из местных или из дипломатического корпуса третьих стран, с которыми им время от времени приходилось встречаться как в столице, так и за её пределами.

ГРУшники добытой информацией с гэбэшниками не делились, а тем было очень любопытно знать, что и как. Обычно за некий промежуток времени контрразведка страны пребывания (или конкурирующие «фирмы») вычисляли кто именно в данном представительстве занимается сбором разведданных и к этим выявленным агентам приставлялись свои – наружное наблюдение - и тогда работа агентов усложнялась. Поэтому иногда по отдельному распоряжению посла и мы, обычные работники посольства, не входящие в круг агентов ГРУ, принимали участие в их операциях. Ну, как операциях? – просто приходилось то передать что-либо, то, наоборот, незаметно получить какое-то сообщение от источника. Встречи эти могли происходить где угодно: на концерте, на пресс-конференциях, на стадионах, да хоть в примерочной какого-нибудь бутика, а то и просто в туалете.

Новый шеф ГБ стал вызывать к себе по одному всех нас таких квази-агентов и пытался вербовать: содержимого полученных или отправленных таким образом «посылок» мы – понятное дело – не знали, нас использовали вслепую, но шефу важно было установить хотя бы при-

мерный круг наших респондентов. Заодно он по старой доброй привычке НКВД предлагал доносить ему о разговорах в кулуарах посольства и вне его, дабы узнать, так сказать, настроения в массах.

По службе мы с ним практически не соприкасались, этот дядя никак не был моим начальником, и я просто вежливо послал его куда подальше. Этот разговор нигде не был зафиксирован, но, как оказалось, не забылся. Я попал в некие чёрные списки неблагонадёжных.

Как меня подставили в Танзании

А потом произошла катастрофа. В аэропорту Дар-эс-Салама (Танзания) при досмотре багажа пёс-нюхач заскулил возле больших, облепленных наклейками, квитанциями и надписями на непонятном языке, чемоданов. К тому же на замках и защёлках обнаружились пластиковые печати – то есть, багаж был опечатан отправителем. Хозяин груза – понятное дело – не объявился и тогда местные власти решили вскрыть подозрительные саквояжи-контейнеры. Получателем груза значилось некое ведомство в Москве, но по законам Танзании при подозрении на наркоту этот факт должен быть зафиксирован на месте.

Внутри помимо бумаг и прочего непонятного для непосвящённого баракла обнаружались пакеты с белым порошком, общим весом 4 килограмма. Кокс!

Всё бы ничего – дело обычное, вот только отправителем значилось посольство России в Аргентине, а оттиски на печатях соответствовали моим личным номерным. То есть, только я собственной персоной мог опечатать эти чемоданы перед отправкой их на родину. Но, во-первых, я никогда не имел дела ни с чем таким, а во-вторых, как груз оказался в Дар-эс-Саламе?

Чтобы замять это дело из Москвы в Танзанию была направлена целая делегация из ответственных лиц и ветеранов МИДа, курировавших ещё в 60-х годах контакты с лидерами местного антиколониального движения. Старые связи помогли: многие из тогдашних лидеров повстанцев – как это водится в Африке – до сих пор сидели в правительственных креслах и весьма благожелательно отнеслись к старым знакомым. Дело свернули, чемоданы отправили по назначению, а меня, совершенно не подозревавшего о произошедшем, взяли под белы ручки прямо на служебной квартире дюжие хлопцы из службы безопасности и отправили в уединённое помещение на территории посольства – на тот самый «цугундер».

К допросам приступил сам новоявленный шеф из госбезопасности, которому я вдобавок незадолго перед этим отказал в сотрудничестве. Оказалось, вот что.

После ликвидации в Колумбии Медельинского наркокартеля и его главы Эскобара, дурь в Южной Америке выращивать не перестали, только наркотрафик сместился в Аргентину. В российском наркоконтроле этот факт не остался незамеченным, тем более, что в Москве появился кокс с характерными именно для этого региона микрочастицами. Прямого авиарейса из Буэнос-Айреса в Москву тогда не существовало, авиасообщение шло с пересадкой пассажиров и соответственно, перевалкой багажа в аэропорту Афин.

В ходе расследования было установлено, что какая-то часть порошка прибывает в Афины с дипломатическим багажом и диппочтой из Аргентины. Далее пока непонятным образом этот порошок изымался неизвестными лицами, причём не нарушая пломбы, и переправлялся дальше в Россию грузовым автотранспортом в контейнерах с овощами и фруктами через Турцию, Армению и Азербайджан. Цепочка была понятна, но имена конкретных исполнителей оставались в тени.

Но! Тщательная и законспирированная работа контрразведки в российском представительстве в Буэнос-Айресе позволила установить ряд причастных к этому «мероприятию» лиц из посольства. Во-первых, это советник атташе по культуре, он же нынешний атташе – иначе говоря, это я и есть! А во-вторых, к вящему удивлению следователей, подозрение также пало на предыдущего руководителя службы безопасности, которого и убрали по-тихому из посольства под предлогом выслуги лет и отправки его на пенсию. Вот тогда-то и прислали нового шефа для окончательного разбирательства.

И пока он гадал что, да, как и искал ко мне подходы с помощью несостоявшейся вербовки как раз и произошёл этот инцидент в аэропорту Дар-эс-Салама. Подозрительный груз попал вместо Греции в Танзанию. Но с моей печатью на пломбе и с моими отпечатками пальцев на чемоданах. И с наркотой. Это был не только конец карьеры, это был не просто финиш, а

минимум 10 лет строгого режима и не на «красной» зоне, а в обычной ээковской – так мне обрисовал перспективы новый шеф безопасности.

Но это, во-первых. А вот «во-вторых» мне не понравилось ещё больше, поскольку оно касалось моей Катюхи. Ушлый гэбист-контрразведчик, прибыв на задание, установил все сопутствующие его подследственному (то есть, мне) любопытные, характерные и, особенно компрометирующие обстоятельства, в кои, безусловно входила моя стычка с американским офицером ЦРУ. Выяснил при этом – и это безусловно – об особом интересе этого офицера к моей жене. Поэтому один из его планов был таков: отправить меня обратно в Росси

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.